

Брат Эрвин. Крыс учёный и эльфийка

Александр Бережной

Александр Бережной

**Брат Эрвин. Крыс
учёный и эльфийка**

«Автор»

2026

Бережной А. В.

Брат Эрвин. Крыс учёный и эльфийка / А. В. Бережной —
«Автор», 2026

Он – облат, что цитирует святых и заумные книги. Она – без лишней раздумий
лезет в драку. Это – их история.

© Бережной А. В., 2026

© Автор, 2026

Александр Бережной

Брат Эрвин. Крыс учёный и эльфийка

Ситуация сложилась донельзя глупая.

Я в очередной раз отвечал на одни и те же вопросы.

Что характерно – отвечал честно, а мне не верили.

Нет, я понимаю, всех ввело в заблуждение то, что я – тосиец.

«Легче девственницу в борделе найти, чем честного крысюка». – говорит людская молва о моих собратьях, но я как раз исключение.

Единственный во всем мире – честный тосиец. Да, бывает и такое.

И в Истинного верую я, как все, а не в каких-то там Старых богов, или, храни меня Истинный от подобной ереси, как эти из Империи, в Тёмного Повелителя.

А этот нос воротит.

- Друг мой, Il Saggio, толкования и дополнения которого уже больше двадцати веков признаны каноническими, в своём I послании, известнейшем «Urbi et Orbi», говорил о любви без указания: касается эта любовь лишь истинных людей или же распространяется также на грязных, эльфов, орков или... например, тосийцев. И не стоит забывать, что согласно решения XXVII Собора, тосийцы были причислены к чистым расам, достойным спасения в лоне Церкви Истинного.

Десятник поморщился:

- Не похож ты на облата. На вора похож. Или на убийцу и вора.

Вот кто бы говорил, а ты б помолчал. Лицо небрито с неделю, какой-то сивухой несёт за дюжину шагов. И не вчерашней – чую ж сегодня утром похмелялся.

- Воровство и тем более убийство – грех, но не меньший грех и грех неверия. – попробовал я приспособить слова отца-настоятеля к сложившейся ситуации.

- Ты мне поговори тут ещё. Впишу тебе ещё оскорбление представителя власти словом.

Да, это прям сильно что-то изменится, если прямо сейчас ты на меня воровство и убийство повесить хочешь.

И нечего так пальцем свои грязным ковырять подпись падре Бенедетто да Кортонна, нашего почтенного отца-эконома. Он документы выправил честь по чести – до тебя ни у кого вопросов не было.

В послушании же чётко прописано: брат Эрвин, я то есть, из аббатства Святого Престола Грегориата следует по делам в аббатство Санта-Марии Д'Аррагонской. Не бродяга значит, по делам иду.

Свидетельство о бедности так же на имя брата Эрвина, на меня, то есть, имеется. И там синим по жёлтому написано, что монастырь не дает брату Эрвину, то есть мне, денег, но так как я иду по монастырскому делу, а потому кормиться должен за чужой счет, милостью Истинного, через людей явленной. На практике не всё так печально, как звучит, потому как отец-эконом кое-чего дописал в моём свидетельстве, и в монастырях я в общем-то мог попросить какую-то сумму в звонком монете. Пока такой нужды не возникало.

Подорожная мне не полагается, так как у меня из вещей: котомка пустой да посох. И котомка, и посох отцом-экономом выданы. По возвращению в аббатство их вернуть надобно будет.

Чуть потёрлись бумаги, конечно.

Как без этого? Давно ведь иду уже и каждый ведь бумаги эти хочет увидеть, руками своими немытыми потрогать, пощупать, помять. Хоть облизывать и на зуб пробовать не додумались – уже спасибо Истинному сказать надо.

- Гус, отведи этого в управу, пусть интендант разбирается. – похмельный мозг десятника наконец нашёл удобоваримое, по ему мнению решение.

Один из стражников, что до это стоял, прилипнув к городской стене, отлипнул от той стены и в развалочку пошёл к нам.

Гусу надо б было сбросить килограмм десять, и тогда ему б оставалось ещё сбросить килограмм десять-пятнадцать, чтоб стать похожим на нормального стражника.

Не слишком заботясь о сохранности моих бумаг, Гус запихал их себе в карман, и повёл меня в управу.

Ну что... не всё так плохо: в город я хотя бы попал, а там интендант проверит бумаги да отпустит меня.

Интенданта на месте не оказалось, поэтому меня пихнули за решётку.

Дождаться.

Кроме меня в клетке было ещё двое.

Забулдыга – родной брат десятника, не поверившего моим бумагам. Не мыт, не брит. Воняет. Этот дрых в углу и приближаться к нему было опасно – я отсюда видел вшей, по нему ползающих. С моим мехом к таким личностям лучше не приближаться – оно вроде людские нам не опасны, а всё ж рисковать не стоит – замучаешься потом насекомых выводить.

Вторым же обитателем была эльфийка. Худющая, как и все эльфы. Стрижена коротко не по-эльфийски, а так будто волосы ей обрезают какой-то пьяница.

Она мне сразу не понравилась: сине-жёлтое, опухшее от постоянно мордобоя, лицо, под глазом фингал свежий наливаются, губы-олядь, один зуб сколот, ещё одного вообще нет.

И одета... одета... ну не должна приличная девушка, пусть даже эльфийка, так одеваться. Стыд-позор.

И куда её родители только смотрят?

По-мужски одета, драки начинает.

С чего я взял, что это чудо не жертва, а зачинщик?

Да всё просто – костяшки кулаков у эльфийки сбиты, а также потому, что за решётку сядут виновных, а не жертв.

Я – исключение.

В моём случае имеет место лишь предвзятое отношение, за которое грех винить десятника. Работа у него такая, к тому же похмелье никому не добавляет доброты.

И видимо слишком многое из моих мыслей на моей морде отразилось, ведь эльфийка недобро так глядеть на меня стала.

А потом ещё и поднялась.

Головой в потолок не упёрлась, конечно, но где-то оно там рядом было.

В такие вот моменты радоваться начинаю, что мелкий я, мне везде просторно.

- Чё пыришься, вшивый?

И словечки, словечки под стать виду.

Ну не должна девушка так говорить.

Прав, тысячу раз отец-настоятель, - без веры в Истинного мир наш обречён погрузиться в пучину разврата и пошлости.

А в том, что эльфийке этой чужды любовь и доброта, Истинным даруемые, сомнений не было. И дело тут было не в том, что возлюбленные дочери Истинного не так не одеваются и не говорят, а ещё не сидят за решёткой с разбитыми лицом и кулаками; дело тут было в том, что на одежде её были вышиты узоры – ветви всякие, листья, цветочки, значит, верила эльфийка в тех, кого принято называть Старыми богами.

- Должен заметить, что приличной девушке не пристало так выражаться.

Услышав мои слова, эльфийка аж икнула от неожиданности.

А стражник, что за нами всеми приглядывал смехом разразился:

- Это Сильви-то приличная девушка?!

Вот это новость.

Слышал я, конечно, что среди эльфов бывают такие, который от эльфиек не отличить, без, как бы это сказать... более детального осмотра.

Чудны дела твои Истинный – чего только в этом свете не бывает.

- Приношу свои искренние извинение, я не хотел вас обидеть, друг мой. – попытался я извиниться за возникшее недопонимание.

- Друг?! Чё ты сейчас сказал?

Судя по звуку, стражник грохнулся со стула и продолжил хохотать уже на полу, но мне стало не до этого: эльф схватил меня за грудки и поднял над полом, так чтобы наши глаза оказались на одном уровне.

- Кранты тебе, крысомордый.

И вот смотрю я в глаза и понимаю – вот именно, что кранты, потому как эльфийка это всё же, а не эльф.

Очень злая эльфийка.

Интендант появился уже после того, как я был некоторым образом избит.

Ничего в общем-то критичного (мех очень хорошо смягчает удары, да и крепче я, чем выгляжу), но в свете того, что вызванным в управу викарий подтвердил мою личность (мог бы что-то посложнее спросить, чем на память зачитать «О прощении греха» и «К тебе Истинный» - их каждый честный мирянин знать должен) и подлинность моих документов, возникла неприятная ситуация по поводу того, что покорного слугу Истинного, меня то есть, не смотря на наличие всех необходимых документов заперли за решеткой, а потом ещё и избили.

Викарий бегом побежал за приходским священником, а интендант стражника погнал за подсестой – не хотел один такие вопросы решать.

Торговались они долго и зло.

Сошлись на епитимье для десятка, что на воротах стоял, и тюрьме для эльфийки этой злобной.

И вышло б у них, как сговорились, да припомнились мне слова из «Urbi et Orbi», чаще иных отцом-настоятелем приводимые: «из любви к ближнему проистекает вся сила, Истинным детям его дарованная». На эту тему вышел у нас небольшой теологический спор, в котором меня немного удивило единогласное желание и священника, и подсеста упечь эльфийку в тюрьму. Но всё же в конце мне всё же удалось их убедить не наказывать эльфийку, ведь во многом я сам был виноват в том, что меня побили. Подсеста, уцепившись за эти мои слова повёл, казалось бы, оконченный торг, на второй круг, - с целью уменьшения размера епитимьи.

Во второй раз сторговались они куда быстрее (епитимия теперь грозила только десятнику, а не всему десятку), а в виду того, что никто так и не пришёл предъявлять обвинения эльфийке, вышли мы из здания управы все вместе: я, эльфийка эта и священник с подсестой.

И тут приключился конфуз – живот мой издал звук, извещающий всех о том, что не ел я со вчерашнего утра, и в город в общем-то хотел попасть только ради того, чтобы разжиться в местной приходской церкви припасами.

- Брат Эрвин, вы, наверное, голодны?

Как вежливо-то сказал «наверное».

Я точно – голоден. Точно.

Пока я размышлял, лучше применить «отец» или всё же «достопочтенный отец». Если второй, то не будет ли это истолковано, как заискивание? Если первое, то не будет ли это зву-

чать слишком просто, без той благодарности, которую мне положено испытывать к человеку, который помог мне выпутаться из довольно странной ситуации?

Вот пока я размышлял, мне на голову легла ладонь эльфийки:

- Я место хорошее знаю, где поесть можно. Если хочешь – пошли.

Прав отец-настоятель, что неустанно цитировал труды Il Saggio и нас их учить заставлял – через любовь и дела добрые мы не только сами к Истинному ближе становимся, но и других ближе к нему делаем.

И эльфийка эта тому доказательство, покормить меня хочет, значит, не совсем пропащая.

Распрошавшись со священником и подсестой пошёл я вслед за эльфийкой, которая могла бы и помедленнее идти, у неё вон ноги какие, а у меня – вон... короткие у меня ноги, в общем...

Поплутав по городским улочкам, вышли мы к «Хромому коту».

Как я понял, что это именно «Хромой кот», а не просто «Кот» или «Чёрная кошка», если на вывеске был изображён просто кот с четырьмя лапами и хвостом-трубой?

Всё просто – в аббатстве мы не только священные тексты штудировали, но и много ещё чем занимались, помимо, обязательных тривиума и квадравиума. В частности, был у нас магистр космологии – падре Игнацио дель Валье – из ордена Братьев Странноприимников Святого Иакова, что покровителем всех путников и музыкантов является. Так вот он в прямом смысле этого слова вколачивал нам в головы не карты, нарисованные кем-то лет сто назад, с названия городов и селений, которых может уже и нет... нет, падре Игнацио дель Валье вколачивал нам в головы то, что могло спасти жизнь любому из нас, когда мы окажемся за стенами монастыря: все дрожки, известные лишь редким путникам, родники и ключи, где можно было набрать воды, тайные схроны, как организованные Церковью Истинного, так и те, что принадлежали контрабандистам (к ним прикасаться можно было лишь в случае крайней нужды), и, конечно, в обязательном порядке надо было знать все таверны и опасности любого из городов, не только по пути следования, но и во всём регионе.

И стоит, без лишней скромности, отметить (Гордыня – грех страшный и коварный и часто именно за скромностью ненужной скрывающийся) – науку эту я усвоил хорошо.

В Эльтурсо имелась одна приходская церковь, викария и священника которой я уже видел, и несколько заведений, в которых можно было перекусить. Из тех заведений только одно имело на вывеске изображение кота, поэтому ничего удивительно в том, что я сразу понял, что это именно «Хромой кот» не было.

Также стоит отметить, что посещение данного заведения без особой нужды не рекомендовалось, в силу того, что там собирались наёмники, коих в этих краях в последние годы развелось довольно много.

Но и в этом тоже не было ничего удивительного, ведь, как говорил...

Закончить мысль, которая привела бы меня к тому, о чём говорил нам магистр логики фра Томмазо д'Асколи, не удалось, потому как стоило нам войти в «Хромого кота», как эльфийка возьми и заори на всё помещение:

- Эй, неудачники, ну и за чей счёт я и мой друг сегодня будем есть?!

По мне так довольно грубое и опасное заявление, особенно если учесть тот факт, что она, конечно, сильна, но сильна для эльфийки, а тут не смотря на ранний час довольно прилично так народу, самого бандитского такого вида народу.

Одно дело бить тосийка вроде меня, а бить меня, стоит это признать, не сложнее, чем бить ребёнка, совсем другое – драка с мужчиной, который раза в два-три тебя тяжелее. И что-то особых каких-то техник я за эльфийкой не заметил, которые бы позволил бы ей вести себя столь самоуверенно.

В том, что драка будет, сомнения никакого не было – недаром у неё не лицо, а сплошной синяк, да и наёмники не тот народ которые молча бы проглотили «неудачников».

- Пожалуй, сегодня тоже за мой счёт. – поднялся молодой парень с подбитым глазом. – Очень уж ты мне вчера понравилась, Сильви.

Одет дорого, но я не заметил никаких знаков принадлежности к какой-то из Семей. Скорее всего, сынишка зажиточного горожанина. С высокой долей вероятности – торговца, только они могут разбогатеть на столько быстро, что не успевают дать своим отпрыскам должно воспитания, оттого часто их детишки и оказываются в местах, подобных этому, сорят деньгами, сколачивают вокруг себя шайку и создают проблемы окружающим.

- На какой мусорке ты этого блоховоза подобрала? – подойдя к нам ближе парень устался на меня сверху вниз.

Несмотря на ранний час, он был уже пьян, или даже скорее всего всё ещё пьян: лопнувшие капилляры в глазах, легкий тремор рук и запах, что исходил от всего его тела, говорили в пользу именно этой версии.

- Должен заметить, добрый... - закончить фразу, пояснив молодому человеку, ошибочность и недопустимость подобного обращения, мне не удалось.

- Хорош трепаться! Деньги на стойку. – скомандовала эльфийка.

- Жратва на двоих – в два раза больше времени. Смекаешь?

- Ты так и будешь дальше трепаться или начнём уже?

Монеты легли на стойку и рядом же хозяин заведения поставил старые песочные часы.

Произошедшее потом вызвало во мне чувство глубокой тревоги и неприятия.

Драка в самом грязном и неприглядном смысле этого слова, под одобрительные выкрики зрителей.

Прости меня, Истинный, за что я оказался свидетелем этого.

Не в силах остановить, происходящее, я сделал единственное, что было мне доступно – опустившись на одно колено, упёршись лбом на посох, смежил веки и стал читать «К тебе Истинный».

Голос мой, сперва утонувший в общем гаме, с каждой новой строкой набирал всё большую силу.

Стихли иные голоса, а там и звуки драки.

И молитва уже звучала в полной тишине.

- Ты это прекращай, а то я могу и передумать тебя кормить. – прервал меня знакомый голос.

Рука эльфийки вновь легла мне на голову.

Парень, с которым она дралась, силясь подняться с четверенек.

Прерывать молитву да ещё таким грубым образом, пачкая шерсть моей головы кровью... вот никаких представлений о нормах поведения я этой эльфийки.

Никаких.

Похлёбка оказалась действительно хороша, хотя, казалось бы: чего там в ней такого? Капуста, лук, репа, бобы. Видимо, всё дело в том, что хозяин «Хромого кота» расщедрился и в похлёбке также были обрезки мяса, жилы, хрящи (надеюсь всё же зайца, а то как раз кота в заведении я и не увидел) или же всё дело было в том, что я просто давно не ел.

Как говорится, голод – лучшая приправа к любому блюду.

Хлеба аж два ломтя дали. Третьеводняшнего, с отрубями, но два больших таких ломтя.

Один я сразу в котомку сунул.

К хлебу прилагался ещё ломоть сыра, только что из рассола, безобразно солёного, но сытного.

Монеты, которыми эльфийка должна была расплатиться за нашу еду, те самые со стойки, хозяин вложил мне в ладонь и ещё несколько прибавил сверху.

- Святой отец, если Вас не затруднит.

Что именно меня не затруднит, и без пояснений ясно было.

Священник-то местный сюда уж точно не заходит, да не просто не заходит, а скорее всего даже на службах публично «Хромого кота» и хозяина его осуждает.

По-хорошему надо было, указать, что достаточно и просто «брат Эрвин», но к чему кичиться своей учёностью перед добрым человеком?

Прочитал я «О здравии», «О благополучии дома сего», а на прощание сказал:

- Если в будущем в том нужда возникнет, то напомните священнику, что Il Saggio первым именем Истинного назвал именно «Любовь».

Хозяин попытался мне сунуть ещё монету.

Серебряный.

Отказался и в церковь отдавать не велел, пусть, если увидит в том нужду, накормит голодного, через то ближе к Истинному станет.

Эльфийка хоть и не пожелала слушать, как я читаю молитвы, всё же просто вышла из «Хромого кота» и осталась дожидаться меня, а не ушла куда-то посчитав, что на этом стоит нашей с ней знакомство окончить, чем несказанно обрадовала меня, подтвердив, прописную истину о том, что как любая травинка, тянется к свету, так каждый человек по природе своей всегда хочет стать добрее и лучше, чем он есть сейчас.

- Слышь, ты ж вроде из аббатства что-то там Грегориата?

Вопрос требовал простого, утвердительного ответа, но я всё же сначала решил сделать то, что следовало бы сделать уже давно, перед тем, как мы разделили трапезу:

- На сколько я понимаю, мы ещё не были представлены друг другу. Позвольте исправить это досадное недоразумение. Я – Эрвин, и, как вы верно заметили, я имею честь являться облатом аббатства Святого Престола Грегориата. Обращаться ко мне можете брат Эрвин или просто Эрвин. На ваше усмотрение.

По поводу «просто Эрвин» я специально уточнил, ведь Старых богов была целая тьма и допустимо ли было именно у эльфийских богов применять формулировку «брат Эрвин» мне не известно.

Возможно, прослушай я полный курс фра Себастьяно да Урбин, магистра истории, подобный вопрос не возник бы, но так уж сложилось, что отец-настоятель решил: больше пользы для обители будет в том случае, если мне удастся перенять хоть крупицы знаний, гостившего у нас маэстро Иохима Санчеса де Карркандза.

Маэстро мои успехи сильно разочаровали, о чём он отдельно сообщил отцу-настоятелю.

Правда, сопровождавшая маэстро дама, Катарина Фреда, сообщила, что старик просто разучился как-то иначе выражать свои чувства, а также, что первоначально они собирались задержаться у нас всего на неделю, может быть две, а остались почти на полгода.

- Меня Сильви звать, но ты, мелкий, это и так знаешь.

Многие собратья по вере скорее всего указали бы на недопустимость столь грубого обращения, на что я скорее всего сослался бы на XXIV послание Il Saggio, а именно «Говоря с камнем не обижайся на то, что он крепок и нем, споря с рекой не гневись на что она не может замолчать и замереть, чтобы внять словам твоим.... Говоря с камнем будь камнем. Говоря с рекой будь рекой. С каждым на языке его говори».

- Сильви из... - само собой напросилось уточнения.

Не бывает так, что у эльфа было просто имя, должно быть, как минимум, ещё указание на род... на ветвь, к которой они принадлежат.

- Сильви. Просто Сильви.

Сильви, просто Сильви.

Это кое-что объясняло.

Изгнанные эльфы – как заражённые побеги, их отсекали от ветви, и те теряли право называться полным именем.

Теперь понятно, почему Сильви одна и почему соглашается драться за еду: редкие побеги оказываются на столько сильны, чтобы жить после отсечения. Эльфы они ведь коллективные создания. Для них социальные связи значат куда больше, чем для нас, для тосийцев, и уж тем более куда больше, чем для людей.

- Мелкий, а твоё аббатство к монастырю Грегориат какое отношение имеет? – Сильви хоть и пыталась сделать вид, что вопрос задан как бы между прочим, но было ясно – ответ она ждёт.

- Монастырь Грегориат – *caput et mater* моего аббатства.

- И ты там бывал?

- Нет, я пока всего лишь облат...

- Ты знаешь кого-то, кто там был?

- Отец-настоятель точно был.

- Можешь рассказать, как до твоего аббатства добраться?

- Могу, только оно закрытое – вас туда точно не пустят. И уж тем более не к отцу-настоятелю.

- А если с тобой?

- Разве что после того, как я исполню данное мне поручение.

- Значит, вместе пойдём твоё поручение выполнять. – сообщила мне Сильви.

Я поглядел на лицо эльфийки: тосиец и эльфийка с разбитой рожей, да все управы наши отсюда и до самого аббатства Санта-Марии Д'Аррагонской.

Но с другой стороны интересно же: зачем ей монастырь Грегориат?

В этом регионе не должно быть историй о нём. И даже если и есть какие истории, так только дети могу верить в то, что где-то на свете есть монастырь, в котором воспитывают сильнейших паладинов и те в конце обучения заключают союз с ангелами Истинного.

Подобное – не более, чем красивые сказки о временах давно минувших. Уж я-то это знаю.

- Мне нужно будет решить несколько вопросов с настоятелем, а после я готов подождать пока вы соберётесь в путь. Но не слишком долго: до заката необходимо преодолеть приличное расстояние.

- Тогда чё стоим? Всё моё на мне. Пошли к настоятелю твоему.

Логично.

Мог бы и сам догадаться.

Слова Сильви не расходились с делом, и мне пришлось, чтоб не отстать, поспешить за ней.

Надо будет эльфийке потом как-то сказать, чтоб так не спешила – у меня ж всё-таки коротковаты ножки.

Вид приходской церкви и площади перед ней порадовал.

Всё чисто выметено.

Нищих всего двое, и они, как и положено, сидят рядом со своими мисками, ожидая подаяния. Это радует, а то довелось мне уже видеть тех, кто миску прямо с нос суёт и истории одна слезливее другой рассказывает, забывая, что милостыня даваться должна не из жалости, но из искреннего желание помочь ближнему своему.

«Не из жалости подавай, но из справедливости. Ибо глазами нищего на тебя смотрит Истинный, а Истинному нельзя подавать из жалости – Ему должно служить с благоговением». – сказано блаженным Августом, поэтому кусок хлеба, припасённый мной из «Хромом коте» был разломлен на две части и опущен в две плошки.

- Себе оставь. – тут же оказался выброшен один из кусков хлеба на ступени.

- Нуждающийся примет всякую милостыню. – поднял я выброшенный кусок и, отряхнув от пыли, вновь спрятал в котомку.

Из котомки рука вернулась без хлеба, но с монетами, что дал мне хозяин «Хромого кота». Они опустились в плошку того нищего, в чьей остался лежать кусок хлеба.

- Да она ж оба гильдейские. – тут же вмешалась Сильви.

- Милостыня есть не просто подаяние, но таинство. Ты не нищему подаешь – ты Истинному приносишь дар. И принимает его не тот, кто руку протягивает, а Тот, Кто эту руку создал. – процитировал я блаженного Августа.

Сильви что-то неразборчиво ответила, в том числе упомянув, что в церковь заходить не намерена и подождёт меня здесь.

Нищий, котором достались монеты, засуетился, пряча их куда-то в свои лохмотья, видимо, забеспокоился, как был эльфийка их не отобрала.

Я посмотрел на Сильви – нет, отбирать милостыню у нищих она не будет, и просить её не станет. Она нашла хоть и глупый, но свой способ выживать в городе. Ввязываться в драки раз за разом проигрывая... она проиграла бы и в этот раз, но вмешался я с молитвой...

Настоятель, выслушав мою просьбу призадумался.

И было над чем то, о чём я просил вызывало «казус совести» потому как каноническое право и всеобщая выгода вступали в противоречие.

Со стороны канонического права выступал XXXI Собор, который однозначно утвердил древние правила: клирикам (а я как облат причисляюсь именно к клиру как *persona ecclesiastica*) запрещено иметь в своем доме или в пути женщин, которые, и тут я цитирую «могут дать повод к подозрению». Исключение – только близкие родственницы, и то под надзором.

Со стороны всеобщей выгоды выступал тои неоспоримый факт, что город лишился эльфийки, от которой и без того все были рады избавиться, поэтому довольно скоро мне всё же удалось заполучить письмо-поручительство, что Сильви передана под опеку облата Эрвина, а также свидетельство о бедности на имя эльфийки (оно попроще моего было, но печать у настоятеля всё же имелась, поэтому и такое сгодится).

По уму нужно было ещё оформить и письмо исповедника (Сильви вряд ли согласилась бы исповедаться), и в справку из управы, что светские власти не имеют к ней претензий, но я опасался, что это может слишком затянуться, поэтому справку пришлось проигнорировать.

Тыква-горлянка, высушенная, вычищенная, покрытая внутри воском, для воды, котомка и латанная туника из запасов для Сильви у настоятеля тоже нашлись, за что я был несказанно благодарен: всё же ночевать нам часто придётся под чистым небом, а эльфийка, в отличии от меня, не защищена мехом.

Припасы, ради которых я в общем-то и заглянул в город, тоже удалось получить без проблем: две буханки чёрного хлеба, почти фунт твёрдого овечьего сыра пекорино, от крупы, в

силу отсутствия котелка, отказался, как и от узелка соли, а за сушеные груши был особо благодарен.

Разумеется, облачаться в тунику Сильви отказалась, оставшись в своём вызывающем мужском наряде, но на это я и не рассчитывал.

Хотя бы спрятала к себе в котомку – и то хорошо.

Стены, но не неприятности Эльтрусо остались за спиной.

Неприятности в виде трёх конных двигались за нами на приличном отдалении точно зная: пешим не скрыться от всадников и им просто нужно дождаться темноты, когда мы свернём с дороги чтобы устроиться на ночлег.

Спасением для нас была бы группа путников, к котором мы могли бы присоединиться, но пока никто подходящий нам не попадался.

В самом начале я даже подумывал вернуться в город и попытаться решить конфликт там, где наличие стражи удержит горячие головы от необдуманных действий, но от этого варианта пришлось отказаться: подобное привлекло бы больше внимания, что того требовала моя скромная миссия.

- Мелкий, ты быстро бегаешь?

- Бегаю?.. нет, не в моём нынешнем виде... и я бы даже предпочёл, чтобы вы, Сильви, шли немного медленнее, ведь я, как вы можете видеть, обладаю некоторыми особенностями, из-за которых на один ваш шаг мне приходится делать три, а то четыре своих шага.

- Как думаешь, если я сбегу, эти будут достаточно злы, чтобы напасть на святошу?

Тот сынишка торговца, конечно, сильно обозлился что проиграл Сильви, дружков прихватил, чтоб «восстановить честь», но на безумца он не похож.

Хотя, если подумать... Гнев, что по праву занимает место одного из Смертных Грехов, и не стоит его недооценивать, особенно, когда он поселился в молодом сердце, чей разум затуманен выпивкой.

- Если вам интересно моё мнение, то я бы предпочёл этого не выяснять.

- Тогда тебе надо придумать, как двум пешим убежать от трёх всадников, иначе мне придётся искать нового провожатого. А мне бы этого очень не хотелось.

- Могу вас утешить, если так уж случится, что в пути мне придётся умереть, то вы вполне можете попасть к отцу-настоятелю моего аббатства, сообщив, что должны передать ему мои слова.

- А вот это дело, сразу б так.

- Мне понятно ваше оживление, но всё же я бы предпочёл не умирать и лично представить вас к отцу-настоятелю.

- Раз уж сказал, то говори дальше. Какие слова твоему отцу передать-то?

- Не моему отцу, а отцу-настоятелю. – счёт необходимым уточнить я. – Если так получится, то я бы хотел, чтобы отец-настоятель выслушал вас и, если сочтёт это возможным, помог вам.

- Ты серьёзно это? Тебе там чё совсем все мозги отбили, в твоём монастыре?

- Приношу свои извинения, но телесные наказания хоть и присутствовали, как часть образовательного процесса, но я бы не сказал, что они способны как вы изволили выразиться «все мозги отбить», скорее наоборот: они способствовали тому, чтобы они самые мозги встали на место.

- Не ну ты серьёзно последние слова свои говоришь о том, чтобы мне помогли, а не о том, что... ну... тебе жаль, что ты не оправдал ожиданий... задание завалил или ещё чё...

Видит Истинный: под коркой цинизма и грубости скрывается у Сильви добрая душа, страстно желающая, чтобы поход её к отцу-настоятелю, если так случится, что он состоится, принёс выгоду не только ей, но и обители.

- Я всегда серьёзен.

- Да... если тебя, мелкий, не убьют это будет очень длинный путь... очень длинный и очень скучный...

- Позвольте не согласиться с вами, не в части длинного пути – пусть нам с вами действительно предстоит длинный, а по поводу скучного. Скучно нам с вами точно не будет, хотя бы потому что я знаю множество забавных историй из жития святых и...

- Знаешь, я, наверное, если эти дураки на конях тебя не станут убивать, сама тебя убью... задушу, например...

- Может быть тогда я просто помолчу? Не хотелось бы становиться причиной того, что вам пришлось брать на себя грех убийства.

- А ты умеешь и так?

- Я много, что умею, и вы в этом скоро убедитесь.

Старый маршрут, предполагавший ночёвку в руинах имения семейства Альба-Викто, в котором также имелся небольшой схрон местных контрабандистов (он мне нужен был не только для того, чтобы припасами разжиться), в виду наличия преследователей, пришлось отбросить и свернуть на старую дорогу в сторону Эларузо.

Подобное изменение грозило отсрочить наше прибытие в аббатство Санта-Марии Д'Арагонской на несколько дней (скорее на два, чем на три), но ничего более подходящего, чем заброшенная дорога на Эларузо, мне в голову не пришло.

Заброшенной дорога оказалась лет тридцать назад, когда обрушился мост через Рио-Турбио. Местные власти не посчитали нужным его восстанавливать, ведь в округе имелись ещё мосты, а то что пеший путь между Эларузо и Эльтрусо увеличился почти втрое, так не такие это важные и богатые городки, чтобы из-за них тратиться на новый мост.

Лес быстро взял своё: стал гуще, обступил дорогу с двух сторон, медленно, но верно поглощая её.

Возможно, быть моей спутницей не эльфийкой, а на мне – положенные облату туника и скапулярий или хотя бы манто и шаперон, в которых предпочитает путешествовать большинство нашей братии, план пришлось бы пересмотреть, но к счастью я был облачён в простые штаны и рубаху, а моей спутницей была именно эльфийка.

Путём нехитрых манипуляций выразившихся в завязывании узелков, я сделал так чтобы котомка плотно прилегла к моей спине и посох надёжно был зафиксирован там же.

Если за утрату котомки отец-эконом, возможно, ограничится епитимьей, то за посох... утрата посоха может стать проблемой, это ведь подарок маэстро Иохима Санчеса де Каркандза. Подарки лучше не терять, тем более подарки столь достойных и прославленных людей, как маэстро.

Преследователи, поняв, что на выбранной нами дороге, свидетелей не будет, начали сокращать дистанцию.

Я потянулся, немного изменяю положение суставов, напрягая одни мышцы и расслабляя другие – те, что задействованы при вертикальной ходьбе.

- Постарайтесь не отставать от меня. – предупредил я свою спутницу и, упав на четвереньки, рванул в лес.

Стоит отдать должное – бегать по лесу Сильви умела куда лучше, чем драться в городской таверне. Эльфийка даже почти и не отстала, чего не скажешь о наших преследователях.

Это только в книжках лошади бесстрашно проламываются через кусты и скачут по лесу, не боясь торчащих то тут, то там корней, упавших стволов и нор, а всадникам плевать, что особо упрямая ветка может выкинуть их из седла или выколоть глаз. Реальность она несколько отличается от того, что в книжках пишут да по пьяни в тех же тавернах рассказывают после пары-тройки кружек с чем-то спиртосодержащим.

- Оторвались. – вновь принимая вертикальное положение, сообщил я.

На всякий случай прислушался.

Точно – оторвались.

- Мелкий, это что сейчас было-то?

- Наиболее оптимальный способ избежать конфликта. Или вы хотели предложить что-то более простое и изящное? Тогда я приношу свои извинения за то, что решил взять инициативу в свои руки.

Кстати о руках... отряхнул их. Всё же бег на четырёх лапах хоть и довольно быстрый способ передвижения, но его применения связано с рядом неприятных моментов. В частности, это не слишком эстетично, да и руки опять же это не ноги, с их грубой кожей, которым привычно по земле ходить.

- А ты вообще в курсе, что они теперь просто поскачут к мосту, что ниже по течению и будут нас там дожидаться?

Да, что-то такое донеслось до моих ушей.

По мне так большая глупость: так громко обсуждать рядом с преследуемыми, где преследователи намерены устроить засаду, ведь после услышанного мы вполне могли пойти не в низ по течению, а подняться вверх, пусть и затратив на это больше времени.

- Пусть скачут. Пусть даже прождут до утра – мы перейдём Рио-Турбио без всяких мостов.

- Как святые что ли? По воде?

- Как святые. По воде. – подтвердил я.

К реке мы вышли немного выше по течению, чем я рассчитывал, поэтому пришлось ещё некоторое время идти вдоль берега.

Рио-Турбио, оправдывая название, несла свои мутные воды пусть и не быстро, но всё же с достаточной силой, чтобы желающих перебираться через реку не по мосту особо и не было.

К нужному месту мы вышли уже в сумерках.

Вот остатки моста.

Вон приметное дерево на том берегу.

А вон видны символы, вырезанные на коре.

Всё в точности, как и рассказывал падре Игнацио дель Валье.

Подошёл к берегу, пригляделся повнимательнее.

Да, всё верно.

- Ты чё не шутил по поводу того, что по воде идти собрался?

- Я всегда серьёзен. И замечу, по воде пойду не только я, но и вы.

Сильви, когда я вошёл в реку, начала что-то говорить по поводу того, чтоб я перестал дурить и не шёл дальше, а то у неё нет желания вылавливать мою тушку ниже по течению, но, после третьего шага, когда вода уже была мне по колено, я наконец поднялся вверх так, что мутные воды лишь слегка доходили до моей щиколоток, Сильви умолкла.

- Это чё? Ты и правда... святой? – наконец выдавила она из себя, наблюдая за тем, как я аккуратно ступая дошёл уже до середины реки.

Святой ли я?

Ни в коем случае, хотя бы потому, что святые не тратят время на поиск места для сотворения чуда, и не пробуют посохом воду перед собой, чтобы сделать новый шаг.

Я просто хорошо усвоил уроки нашего почтенного магистра космологии.

- Если бы это было правдой, то я оказался бы первым святым из тосийцев.

- Тогда чё это такое?

- Просто каменные обломки моста в воде. – ответил я. – Только, когда пойдёте прошу быть осторожнее и лучше снимите обувь, – камни, они весьма скользкие.

- Чё? – по лицу эльфийки было понятно, что мой ответ её не устроил.

- Когда мост разрушился – его обломки оказались в воде. Добрые люди немного постарались и теперь вот есть у нас возможность гулять по воде. Разве это не чудесно?

- А сразу сказать не мог?

- Мог и сказать, но тогда бы, пусть и на мгновение, в сердце вашем не вспыхнул лучик веры. – честно ответил я и продолжил путь к другому берегу.

От реки отошли совсем не далеко: ровно на столько, чтобы её сырость не была проблемой.

Из собранных веток, благодаря огниву, которое было у меня в котомке, разожгли костёр, подсушили одежду, ведь сырая одежда – это один из злейших врагов любого путника и первый шаг к болезни.

Для перекуса достал хлеб и сыр.

- Это чё у тебя? Нож?

Искреннее удивление простым вещам – воистину прекраснейшая черта в Сильви, которую я воспринял, как очередное доказательство чистоты души и помыслов эльфийки, а также подтверждение верности того, что я решил её взять с собой, даже несмотря на то, что обратный наш путь, вероятно, будет сопряжён с куда большими неприятностями, чем конная погоня юнцов, разгорячённых хмелем.

- Нож. – подтвердил я, отрезая нам по куску хлеба.

- А тебе разве можно? Это ж оружие.

Вряд ли Сильви собиралась апеллировать к XXXI Собору, который помимо всего прочего запретил клирикам носить оружие в следующей формулировке «клирики да не носят оружия», согласно которого даже нож, как предмет, «что может ранить, боли причиной стать» мог вызвать подозрение и стать причиной разбирательств. Поэтому я не стал указывать на тот факт, что нож мой квалифицируется, как «cultellus» - малый нож, инструмент для работы, а значит не подпадает под решения XXXI Собора, что было закреплено решением XXXV Собора в разделе «об инструментах и вещах в жизни потребных».

Тут загвоздка в том, что на эту тему разных толкований, особенно в части «что может ранить, боли причиной стать» хватало. Некоторые в своих мудрствованиях доходили до того, что служители Церкви не должны были применять насилие даже в целях спасения своей жизни. Другие уточняли, что ради спасения чужой жизни насилие всё же можно применять. Третьи указывали, что насилие нельзя применять не только к разумным формам жизни, но и к неразумным, утверждая, что питаться можно только растительной пищей.

В общем, казусов и глупых предрассудков, как и везде, хватало, и, похоже, Сильви была одной из их жертв.

- Мне – можно. – опустив разъяснения, ответил я и протянул ей её кусок хлеба.

- Странный ты.

Отвечать не стал.

Сыр резать стал.

Перед сном прочитал «К тебе Истинный» и «От беды избавлении», трижды.

И «Живому о помощи», она же «Молитва путника», - не о себе, о спутнице своей, но совсем тихо, не для её ушей молитва.

Утром я поглядел на лицо Сильви, на котором уже буйным цветом расцвели всходы, посеянные вчерашним боем, и решил, что в Эларузо пока лучше не показываться... с таким лицом вообще ни в одном приличном месте лучше не показываться – с таким лицом никакие бумаги нам не помогут.

- Чё пялишься, не успел за вчера насмотреться?

- Приношу свои извинения. Вчера я сильно недооценил ущерб, понесённый вами, поэтому прошу вас немного подождать, пока я соберу необходимые травы.

- Ты ещё молиться начни за меня.

- Помолюсь, обязательно. – пообещал я, хоть и уловил нотки сарказма в её словах. – Но сперва травы.

Хотя курс брата-фармацевта, фра Ансельмо, не входил в список дисциплин, которые мне преподавались, но благодаря тому, что падре Игнацио дель Валье всё же регулярно приглашал его на свои занятия я имел несколько более глубокие представления о лечении, чем это могло показаться с первого взгляда.

И, видимо, Истинный оценил моё желание помочь ближнему, иначе как объяснить, что во время сбора трав я заметил зайца?

Один точный бросок ножа и к травам прибавилась заячья тушка.

Лечение Сильви пришлось немного отложить – сперва нужно было разобраться с зайцем. Слил кровь.

Быстро выпотрошил, не снимая шкуры, добавил соли, трав после обмазал толстым слоем глины, что взял у реки.

Сильви как раз уже распалила костёр. Повозились немного, но упрятали зайца туда, чтоб готовился.

Времени до готовности у нас было много – почти до полудня, поэтому я наконец взялся за раны эльфийки.

Множество ушибов, но ничего угрожающего жизни.

Неделька усиленного питания и всё нормально будет.

Совсем другие чувства вызвали застарелые травмы: в основном переломы. Много. Они не говорили, кричали о длительном систематическом насилии, но по какой-то причине Сильви не проявляла реакций нормальных для жертв подобного насилия, даже наоборот со странной гордостью рассказывала, что этот перелом она получила, когда ударила в челюсть Винту Хрякугрызу, а этот, когда пыталась убежать от Торса Дубня... изменённое состояние... не совсем пока ясно: все эти ужасы – следствие изгнания или изгнание было добровольным, как попытка сбежать от насилия, когда душевная травма уже была нанесена...

Не стал глубоко уходить в опасную тему, переключился на более свежие повреждения, средоточьем которых являлось лицо.

Сильно ему досталось.

Был бы мужчина – махнул бы рукой, шрамы мужчине только красят, по крайней мере говорят знающие люди, но Сильви – девушка. Эльфийка.

Тут думать надо.

Пока думал, прочитал «О здравии», одиннадцать раз, на двенадцатом Сильви не выдержала:

- Вот не легчает мне от твоих молитв, вот вообще...

- Молитва – это первая помощь, которую я могу дать тебе. Но Истинный не для того дал мне руки и знание, чтобы я только просил Его, а сам сидел сложа руки. Травы – это Его же дар. И когда я прикладываю их, я делаю то, что Он велит: служу ближнему тем, что имею. – пожал я плечам.

Можно было бы привести прямые цитаты, вроде «Молитва без дела – мертва. Но и дело без молитвы – только движение рук, без души», но эльфийка вряд ли бы это оценила.

- Я так и сказала – никакой пользы от твоего бубнежа, а травки... травки – это правильно, эти помочь могут, хоть не тянешь ты на лекаря...

- Не потому я прибегаю к помощи трав, что сомневаюсь в молитве. А потому, что молитва моя становится делом. Руками. – не согласился я.

Сильви фыркнула, но продолжать не стала, а потом спросила:

- Когда уже жрать будем?

- Скоро.

Терпение наше было вознаграждено.

Заяц с травами, томлённый в собственном соку.

Мягкий, ароматный.

Мясо с лёгкостью отстающее от кости, так и тает во рту.

Такое блюдо не стыдно и дворянину на стол подать.

- Славная жратва вышла.

Возможно, Сильви выразилась немного грубо, но суть она уловила совершенно точно.

Сильви показала удивительный для её телосложения аппетит, поэтому в дорогу с нами отправилась только одна задняя нога зайца, которую я сразу передал эльфийке, отдельно обозначив, что доест мясо она может сама, и лучше бы это сделать в ближайшее время: не хотелось бы чтобы такое хорошее мясо пропало.

Как я утром и решил – заходить в Эларузо не стали, тем более после того, как нам удалось полакомиться зайцем, это совершенно утратило всякий смысл.

Поразмыслив ещё немного, решил, что между двумя-тремя, которые я прибавил своим решением свернуть на дорогу к Эларузо, и семью-девятью днями, на которые задержится моё прибытие в аббатство, не такая великая разница, зато будет у Сильви возможность восстановиться да поесть нормально.

В связи с чем сегодня не стали выходить на дорогу, а продолжили идти вдоль Эль-Турбио. Шли не спеша.

На ужин были корневища рогоза. Толстые, успевшие за лето накопить достаточно питательных веществ и крахмала.

Мы их просто положили прямо на угли и запекали, периодически проверяя готовность.

Готовые корневища напоминали печеный картофель или сладковатый батат.

Сытно и вкусно.

Синяки эльфийки тоже обработал.

Помолился.

На завтрак вновь были корневища рогоза, запечённые в костре.

Просто, но сытно.

С хлебом и сыром они пошли просто отлично.

Прикинув маршрут так, чтобы к закату выйти к Эль-Кларо – одной из множества речушек, впавших в Эль-Турбио – мы двинулись в путь.

Судя по тому, что Сильви не насторожило, что шли мы в направлении почти противоположном тому, в котором располагалось аббатство Санта-Марии Д'Аррагонской, она не очень-то хорошо ориентировалась на местности.

- Прошу поправьте меня, если я ошибаюсь, вы ведь не из этих краёв?

- Есть такое дело. А чё такого?

- Ничего собственно, но хотелось бы уточнить – ваша замечания по поводу моего удушья касалось только историй о святых?

- А чё?

- Просто, если вы не знакомы с историей этого края, то я могу вам вкратце рассказать.

- А зачем?

Я даже замедлил немного шаг, пытаясь найти ответ на заданный вопрос.

А и правда – зачем ей эта история?

Со мной-то понятно.

Для меня история – это не перечень имён и дат, заученный наизусть. Это сложная цепь причин и следствий. Действий и их результатов.

История это не о том, что двадцать семь лет назад семья Альба-Викто была вычеркнута из перечня Великих Семей, всё имущество было конфисковано, а члены либо приняли другие фамилии, либо были казнены. История это про то, что Марчелло IV Альба-Викто, последний глава семьи, пытаясь поправить катастрофическое финансовое положение семьи связался с последователями Тёмных богов и стал участвовать в кровавых ритуалах. История это про то, что финансовое благополучнее семьи Альба-Викто было разрушено после того, как в Межреальности начались шторма и торговые маршруты, приносившие основные деньги, перестали существовать. История это про то, как Миноцио Альба-Викто заключил удачный контракт с Луцием Вальтериусом, открыв для семьи дверь в великое будущее. История это...

История – это очень важно и интересно.

Только вот почему-то я не могу придумать, зачем Сильви нужна эта самая история.

Не оценил бы фра Себастьяно да Урбин то, что я не смог найти ответ на столь простой вопрос. И скорее всего бы припомнил мне то, что я почти весь его курс пропустил, поэтому сейчас больше полагался на знания, полученные от падре Игнацио дель Валье, чем на те воистину фундаментальные знания, которыми делился фра Себастьяно да Урбин.

Несмотря на всякое отсутствие интереса у эльфийки к истории и святым, я всё же быстро смог найти тему, которая у Сильви вызвала отклик.

Разумеется, это был монастырь Грегориат.

И тут, что стоит признать без лишней скромности, я сумел блеснуть знаниями.

Начал я свой рассказ с основания монастыря в 135 году после Падения Небес инициированного Il Saggio. Увидев, что такие подробности не особо интересны моей спутнице быстро перешёл к знаменитым сражениям и великим победам, одержанным во славу Истинного паладинами, воспитанными монастырём.

Это вызвало самый живейший интерес у Сильви и даже отсутствие ангелов, которые были в каждой первой народной сказке о монастыре, её, как я понял, не очень огорчило, ведь в моей истории о монастыре Грегориат были вещи куда более важные и интересные для эльфийки.

Там были бои.

Сила воли.

Победы.

Были и поражения.

Было место великой скорби и великой радости.

И сокровища. Куда без сокровищ? Обязательно должны быть сокровища. Всем нравятся рассказы о горах золота, россыпях драгоценных камней, которые лежат где-то там, в тайных подвалах, даже на самом деле они там не лежат, и лишь отдавшийся во власть Жадности или Тёмных Богов глупец будет копить в подвалах своих сокровища.

Глупцам не было места в лоне Церкви Истинного.

Пусть, скрашенный историями, прошёл легко, и на ночёвку мы расположились уже на берегу Эль-Кларо.

На ужин я был намерен добыть рыбу, поэтому развязал веревочки, что держали верх посоха собранными, вставил нож в расщеп и вновь всё затянул – получилась острога.

- Это копьё. Это оружие. Скажешь, что тебе и копьё можно? – тут же возмутилась Сильви.

- Это не копьё – это острога. Я нам ужин ей добывать буду.

- Ужин – это хорошо. Давно я столько не ела. – вроде как согласилась моя спутница, а после добавила. – Но всё ж странный ты какой-то.

Рыбы удалось набить столько, что ещё и на завтрак осталось.

Улов я почистил, выпотрошил, а после мы без затей нанизали рыбу на прутики и пожарили на костре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.